

дата

“он привел к вере великое множество людей, которые его никогда не видели”

к 70-летию со дня рождения отца Александра Меня

НАДЕЖДА КЕВОРКОВА

В субботу, 22 января, исполнилось бы 70 лет протоиерею Александру Менью, вероятно, самому известному в мире православному священнику, писателю и просветителю. Со дня его гибели минуло уже 15 лет: ранним утром 9 сентября 1990 года он был убит неизвестным в подмосковном поселке Семхоз, и это убийство не раскрыто и по сей день. Отец Александр был первым в XX веке священником, кто стал говорить о Боге и смысле веры словами, понятными современному человеку. И, наверное, единственным, кто мог начать урок для детей словами: «Дорогие дети, вы знаете, что наступит день, когда каждый из вас умрет?» Уже после смерти отца Александра многие пытались искусственно оторвать его от православия, обвинить самих православных в том, что они же его и убили, возбудить церковное осуждение его работ и его наследия. Однако нельзя оторвать от Христа и Церкви того, кто был духовно рожден в ней и до последнего вздоха служил Господу. Сегодня по просьбе Газеты своими воспоминаниями об Александре Мене делятся протоиерей Владимир Архипов, служащий в том самом храме в Новой Деревне под Пушкино, где в свое время служил и сам отец Александр, и директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы Екатерина Гениева, всегда предоставлявшая священнику место для лекций и первой учредившая кабинет с его книгами.

«драконы перестают

терзать, когда

ты с Христом»

протоиерей храма
Сретения Господня
Владимир Архипов — Газете

Каким вы увидели отца Александра во время вашей первой встречи с ним 30 лет назад?

Я увидел человека с умными, глубокими глазами, в которых было нечто, что сильно выделяло его из всех окружающих. Он был прост и естественен — он рождал доверие к себе и приглашал разделить с ним веру, дружбу, товарищество.

Ваш тридцатилетний опыт пребывания в кругу священства — что он говорит, много ли таких священников, как Александр Мень?

Я бы не сказал, что я так уж много общался со священниками, но он был первый. На него были похожи еще только два человека из тех, с кем мне довелось встретиться позже, — они были близки с отцом Александром в понимании Бога, человека, Слова Божия, в восприятии Христа и Церкви, в любви к Христу. Один — это уже покойный митрополит Сурожский Антоний, а другой — старец Псково-Печерской лавры архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Хороших священников много, все мы трудимся в меру сил, пылим, что-то знаем, повторяем за кем-то... А эти люди пылали огнем, оставаясь смиренными. Им ни слава, ни известность, ни почет не нужны были. Этим отец Александр был уникален, хотя такими должны быть все. Но много званных, избранных — мало.

Вы чувствовали, что над его головой сгущаются тучи?

Напряжение висело в воздухе с хрущевских времен. Оно не ослабевало и в год правления Андропова, да и потом. Сам отец Александр не растрачивал сил на критику властей — драконы перестают терзать, когда ты с Христом. Он знал, что ему нужно, и такие же люди собирались вокруг него. Это был не уход от жизни, а приход к ней, но через Христа. А статей против него было написано много. Один только «Труд» отличился тремя статьями: как раз в то время его стали таскать на допросы. Но он мудро себя вел, не стремился бросать обвинения власти в лицо. Он всегда оглядывался на память своего святого покровителя Александра Невского, которому тоже приходилось во имя спасения вверенных ему людей жертвовать многим, не поступаясь главным. Сотни людей приходили к нему — и простые деревенские старушки, и мятущиеся интеллигенты. Он многих оберег своей мудростью. Могу сказать, что правящий архиерей митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий всегда поддерживал отца Александра, помогал ему, понимая масштаб этой личности. Он лично его отпевал и каждый год приезжал к нам в храм на 9 сентября, в день смерти отца Александра, и совершает Божественную литургию.

Отец Александр был, наверное, самым пишущим православным просветителем XX века?

Труды его издавались за границей под псевдонимами. Господь уберет его тогда, когда за любую книгу он мог быть арестован. Его книги приходили к тем, кто искал. А как тогда интеллигенция искала истину? Через философию, буддизм, медитацию, йогу. Отец же Александр сумел показать достоинство различных путей поиска человеком истины. Проходя вместе со своим читателем этими путями, он подводит нас ко Христу. Это не хитрость и не прием — он уважал любого человека другой культуры в его поиске истины, показывая, что тот не одинок и что поиск шел веками — у первобытных племен, у библейских пророков, у разных народов.

Фотограф: Владимир Богданов

В результате тысячи его читателей не могли пройти мимо Христа — он приводил их к Нему своим живым опытом богообщения. Он был, думаю, первым, кто устроил публичную встречу христиан с мусульманами в Москве, еще задолго до того, как нас стали ссорить. Это было в Библиотеке иностранной литературы, и важен был не только диалог, а сам факт этой встречи. Ведь агрессия против иного имеет всегда духовную почву — если мы не можем понять своего падения, своей неудовлетворенности собой, мы ищем виноватого во вне. Отец Александр знал об этом духовном феномене и умел его разъяснить.

В судьбе его семьи особую роль сыграл Иоанн Кронштадтский, который в советское время был объявлен чуть ли не олицетворением черносотенства. Что это за история?

Его прабабушка, это рассказывал сам отец Александр, была больна водяной. В их город приехал отец Иоанн Кронштадтский, знаменитый тогда священник. Семья прослышала об этом, и бабушку подвели к нему. Он сказал: «Я знаю, что вы еврейка, но я вижу ваше сердце». По его молитве она выздоровела. Родители отца Александра были евреи, но его мама полюбила Христа с детства. Приняв крещение вместе со своим маленьким сыном, всю жизнь оставалась верующей христианкой. Молитвенники и старцы помогают не по партийному признаку или национальному, они видят дальше и глубже, чем позволяет обычное человеческое зрение.

Убийство отца Александра до сих пор не раскрыто...

За все эти почти 15 лет, что прошли со дня потери отца Александра, я понял, что моя задача как священника — не искать убийцу или заказчика, не терять на это силы впустую. Ведь ни к чему не привели даже слова двух президентов, хотя оба — и Горбачев, и Ельцин — обещали взять под контроль ход расследования. Дело то закрывают, то открывают. Создается впечатление, что в поиске убийцы не заинтересованы. Все те, кто помнит и любит отца Александра, должны употребить свои силы на то, чтобы его слова были поняты, чтобы люди смогли воспользоваться его опытом, его проповедью. Он для этого и жил. Сам он, если бы остался в живых, не стал бы тратить время и силы на поиски покушавшихся, я в этом уверен. Ведь уже умирая, истекая кровью у порога своего дома, на вопрос какой-то женщины: «Кто вас, отец Александр?» — он ответил: «Да нет, никто, я сам!» В любом случае, он принял на себя ответственность за это дело. Найдут или не найдут — придет время, думаю, Господь рассудит, что нам это нужно, и все раскроется.

«во всем, что он делал,

сквозило огненное

чувство любви»

директор Всероссийской
государственной библиотеки
иностранной литературы
Екатерина Гениева — Газете

Что было в отце Александре главным, отличительным?

Он был воплощением противостояния духу раздора, ненависти, был священником,

ведомым Троицей и Духом Святым. Во всем, что он делал, сквозило огненное чувство любви — оно озаряло его самого, его проповедь, его книги. Это очень редкий дар. Он был священником, знавшим, как разговаривать с простой бабушкой, у которой записывал сын, и интеллигентом, как, например, Александр Солженицын. Он, кстати, был первым, кто обратился к властям с письмом о предоставлении Солженицыну возможности вернуться в Россию и о возвращении ему гражданства.

Кто еще из знаменитых современников был его собеседником?

Фотографии почти всех его духовных чад висели у него в кабинете. И пианистка Юдина, и Галич, который написал уже в эмиграции песню «Когда я вернусь» (она посвящена именно отцу Александру), и Аверинцев — назовите любого, кто составляет славу нашего отечества, не ошибетесь.

Отцу Александру так и не удалось побывать за границей?

Незадолго до гибели он побывал в Германии. Он поехал туда по приглашению католической академии Штутгарта. С таким трудом вся эта поездка организовывалась, а он вернулся раньше срока. При чем вернулся он в страшного цвета пиджаке — то ли зеленом, то ли бордовом. Он вообще любил пиджаки, потому что в карманах можно было носить книги. Я поинтересовалась, нельзя ли было выбрать что-нибудь попроще? Он мне так ответил: «Знаете, Катя, я как зашел в магазин, как увидел все эти ряды, так шаг сделал, взял первый попавшийся, заплатил и ушел». — «А что вы так рано вернулись, ведь виза еще не кончилась?» — «Знаете, у меня здесь крестины, похороны, дела — ну что мне там?»

Как он относился к тому, что многие его духовные чада, когда появилась возможность, стали уезжать из России?

По-разному. Одних благословлял, других отговаривал. Он всегда взвешивал тот крест, который предстояло нести близким ему людям.

А что стало сейчас с его общиной, с людьми?

Не могу сказать, что община распалась — она растраживалась. Есть община в Новой Деревне, есть община в храме Преподобного Сергия, построенного на месте убийства отца Александра. Есть замечательная община в храме Космы и Дамиана, где служат отец Александр Борисов и отец Георгий Чистяков. В каждой смерти есть трагический смысл. После гибели отца Александра его книги изданы на громадном количестве языков, по всему миру. В Венесуэле его даже почитают как святого, что канонически неверно. Он привел к вере такое количество людей, которые его никогда не видели, — не к обрядам, а именно к вере — своей искренней неискусственной любовью к Богу. У него было великое понимание времени, его малости и быстроты. В последние годы он читал немыслимое количество лекций. Я даже спросила: зачем столько? «Так ведь, — ответил он, — времени очень мало». — «Времени на что?» — «На все». Он спешил сделать то, что ему было начертано.